
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Спецназ ищет няню
Срочно!
АЛЕКС КОВАЛЬ
ЛАНА ВАЙН

Алекс Коваль

Спецназ ищет няню. Срочно!

«Автор»
«Автор»
2026

Коваль А.

Спецназ ищет няню. Срочно! / А. Коваль — «Автор», «Автор», 2026

Слишком много собак на квадратный метр, чудачка!Знакомьтесь: мой новый сосед. Иван Соколов майор спецназа, отец-одиночка и двухметровая глыба льда, считающая меня ходячим недоразумением. Ему не нравятся мои собаки. Мне не нравится его командный тон и вечно хмурый взгляд. Казалось бы, нам лучше держаться друг от друга подальше.Но судьба дама с чувством юмора. Теперь этому суровому парню позарез нужна няня для его очаровательной дочки. И угадайте, кого выбрала малышка?1. История Авроры и Глеба Спецназ по соседству2. История Иры и Никиты Сотникова Спецназ. Притворись моим

© Коваль А., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Иван 5
Глава 2 9
Глава 3. Иван 13
Глава 4 18
Глава 5. Иван 22
Глава 6 27
Глава 7. Иван 33
Глава 8 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Алекс Коваль, Лана Вайн
Спецназ ищет няню. Срочно!

Глава 1. Иван

– Уважаемые пассажиры, оставайтесь, пожалуйста, на своих местах до полной остановки самолета! – разносится по салону мелодичный голос молоденькой стюардессы.

Я бросаю взгляд в иллюминатор, на тонущую в серости взлетно-посадочную полосу, а затем смотрю на наручные часы, которые показывают сразу три часовых пояса: московский, дальневосточный и местный.

В Питере сейчас семь часов вечера. Двенадцать часов в небе и смена часовых поясов выжали меня досуха. Организм, привыкший к режиму Владивостока, сейчас вообще не понимает, какого черта за окном снова вечер.

Едва самолет прекращает свое движение, салон наполняется шорохом и гомоном двух сотен голосов пассажиров, торопящихся сойти на твердую землю. Я неторопливо отстегиваюсь, вырубаю на телефоне «режим полета» и поднимаюсь, лишь дождавшись, когда боинг наполовину опустеет. Разминаю шею, руки, спину. Все к чертям собачьим затекло. Стягиваю свою дорожную сумку с полки и накидываю куртку.

– Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию. Хорошего дня! – улыбается симпатичная бортпроводница на выходе, которая определенно весь полет со мной ненароком заигрывала.

Будь я менее заебан всеми бюрократическими вопросами и длительными перелетами – я бы даже взял у нее номерок. Но сейчас мой лимит на флирт в глубоком минусе.

Да и в моей жизни уже есть женщина. Маленькая трехлетняя командирша. И ее капризов мне вполне хватает, чтобы держать себя в тонусе. Все, что свыше – чистый экстрим. А этого добра у меня на работе завались.

Поэтому я лишь кривовато улыбаюсь и бросаю в ответ:

– И вам того же, – и покидаю воздушное судно, двигая по «рукаву» в здание аэропорта.

Вещей у меня немного – лишь ручная кладь – поэтому в пункте выдачи багажа не задерживаюсь, а сразу гребу на парковку, по пути заруливая за второсортным кофе из автомата. Кидаю матери сообщение:

Иван: «*Все в порядке. Приземлился. На связи*».

И пишу парням с работы, что вернулся в город.

На улице дубак. Март в Питере – это не весна, это изощренная пытка ледяной моросью и ветром, который, кажется, пытается залезть под куртку и пересчитать ребра. Под ногами каша из талого снега, песка и реагентов, которыми власти безуспешно пытаются бороться с осадками. Застегиваю молнию до самого подбородка, подхожу к своей машине и кидаю спортивную сумку на заднее сиденье.

Пока отскребаю лобовое стекло от наледи, телефон в кармане начинает надрываться.

– Да, товарищ подполковник, – отвечаю, подавляя зевок. – Я только приземлился, а ты уже на проводе? У тебя радар на меня настроен?

– Не ерничай, Соколов, – голос Никиты бодрый, но с нотками напряжения. – С возвращением на большую землю. Ты до базы сегодня доедешь?

– Имейте совесть, Никита Александрович. Дай хоть до дома добраться, душ принять и дочь обнять.

– Добро, – сдается он. – Но завтра с утра чтоб был как штык. Виленский лютует.

– Опять? – усмехаюсь я. – Что, Глеб снова где-то накосячил перед «тестем»?

– Если бы. Генерал просто в тонусе. Проверка за проверкой. Так что давай, Сокол, вливайся. Нам твоей хмурой рожи очень не хватало.

Сота отключается.

Я прячу телефон в задний карман джинс и прыгаю в тачку. Движок уже прогрелся, и зверь с тихим рычанием срывается с места. Проезжая по серым питерским улицам, давлю в себе обреченный вздох. Ну, здравствуй, город депрессивных поэтов.

Я никогда не любил Питер. Слишком сыро, слишком серо, слишком давит. Но выбора не было. После того как бывшая жена укатила в Лондон с новым хахалем-банкиром, оставив мне трехлетнюю дочь и открытку на память, моя жизнь совершила серьезный «кувырок».

Во Владике я продержался полгода, разрываясь между опасной работой и обязанностями отца-одиночки, свалившимися на мою голову в полном объеме. Пока не понял: не вытягиваю. Нужна помощь. И выход у меня был лишь один – переезд в Питер. Ближе к моей матери. К большим перспективам. Хорошо, что на работе подсобили с переводом в питерский отряд СОБР.

В общем, да, к этому городу я никогда не пылал особой любовью. Мне пришлось его принять как необходимость. Грустно. Досадно. Да ладно.

Дорога от аэропорта до дома, где мы с Полькой второй месяц снимаем квартиру, занимает не больше получаса. Я торможу у подъезда отреставрированной сталинки. Вылезаю под дождь и иду к парадной. Единственное желание – горячий душ и нормальная еда.

Захожу в холл. Киваю старушке-консьержке, сидящей в своей скромной коморке за стеклом. Дом этот хоть и старый, но управляющая компания отличная. Капитальный ремонт сделали, камеры по периметру натыкали, двор закрыли и детскую площадку облагородили. В общем, полный фарш.

Жму на кнопку лифта. Он стоит на первом этаже. Двери тут же разъезжаются. Захожу в кабину, тыкаю на кнопку своего этажа. Створки начинают медленно смыкаться, отрезая меня от внешнего мира. И в этот блаженный момент тишины снаружи раздается звонкий, женский, запыхавшийся голос:

– Задержите лифт, пожалуйста!

Жму на кнопку «открытия дверей» и тут же о своем благородстве страшно сожалею. В стальную коробку полтора на полтора метра залетает сразу три фигуры. И если против миниатюрной девушки-соседки с нашего этажа я не имею ничего против. В целом. То два ее огромных пса меня напрягают. Один – болезненно худой стаффордширский терьер, второй – обычная, слегка потрепанная лайка. И оба совершенно не умеющие себя вести.

Не успеваю даже сориентироваться, как псы, радостно помахивая хвостами, с лаем встают на задние лапы, передние укладывая мне на грудак.

– Твою ж мать! – выругиваюсь я, отшатываясь к стене.

– Ой-ей! Мася, Дик, нельзя! – вскрикивает испуганно девчонка, оттаскивая от меня своих неуправляемых четвероногих. – Сидеть! – командует, нажимая на наш этаж.

Я морщу нос. Заляпали всю грудь, зверюги бестолковые. Киплю внутри и поджимаю губы, чтобы не выругаться так красочно, что у феечки-хозяйки лет двадцати уши рискуют завянуть.

Она, тем временем, натягивает поводки и тараторит извиняющимся тоном:

– Вы простите. Они просто очень всем радуются. Как дети!

– Дети под метр в холке, с клыками и когтями, – напоминаю я. – Такой и сожрать может.

– Да нет же. Это они так внимания требуют. Мася и Дик безобидные, честно!

– Сомнительно, если они у тебя на людей с ходу налетают.

– Я же говорю…

– Сколько у тебя вообще собак? – не выдержав, довольно грубо интересуюсь, брезгливо смахивая комки грязи со своей куртки. – Как тебя не встречу, то мелкие, то здоровые. Не слишком много животных на квадратный метр?

Улыбка вежливости медленно стекает с губ соседки. Глаза сужаются в тонкие щелочки за веером темных длинных ресниц. Чувства вины и доброжелательности на ее лице как не бывало. Кроха выпрямляет плечи, словно пытаясь казаться раза в два выше и весомей, хотя ее метру с хвостиком внушительности это не придает, и бросает, дерзко вздернув нос:

– А у вас не слишком много бездушия на килограмм веса?

Мы переглядываемся.

Ее острый зеленый взгляд жалит, как игла.

Мой, надеюсь, дает понять, что со мной лучше не связываться. Тем более если ты малолетняя пигалица.

Лифт коротким звуковым сигналом сообщает, что мы прибыли на этаж. Двери разъезжаются. Псы рвут когти на выход, утягивая за собой хозяйку.

– Чудачка, – бросаю я тихо ей в спину.

– Терминатор, – отбривает меня девчонка так же едва слышно.

Обменявшись напоследок еще одним недовольным взглядом, расходимся каждый к своей двери. Неприятно только, что ее «питомник» находится прямо напротив нашей с Полинкой квартиры. Не хватало еще, чтобы эти не поддающиеся контролю хозяйки зверюги напугали мою дочь. Надо бы обсудить этот вопрос с управляющей компанией.

Нет, я не из тех душных соседей, которые вечно бухтят в общедомовом чате. Но в этом случае безопасность моей дочери превыше всего. А «хозяйка» животных не создает образ благонадежной. Девчонка еще сопливая. Симпатичная, маленькая, хрупкая, пухлогубая, но совсем соплячка, только-только закончившая школу! И совершенно очевидно, что псов у нее уже столько, что она просто физически не в силах их всех обучить и держать под контролем.

Открываю свою дверь. Тепло. Пахнет чем-то вкусным, домашним.

– Папа! – раздается радостный визг.

В коридор вылетает Поля. В костюме с единорогами, растрепанная, счастливая. Я подхватываю ее на руки, прижимаю к себе. Вот оно. То, ради чего стоит терпеть и Питер, и службу, и сумасшедших соседок.

– Привет, принцесса. Ну как ты тут? Бабушку не замучила?

– Неть! – улыбается мое синеглазое чудо, обхватывая маленькими ладошками мои небритые, колючие щеки и звонко чмокает меня в нос. – Я соскусилась!

– Соскучилась? – переспрашиваю наигранно удивленно. – Правда? Думаю, я все же соскучился больше, – подмигиваю.

– Неть, я!

– Чем докажешь?

– Вот так сино-сино соскусилась! – обнимает меня за шею дочурка, сжимая крохотными ручонками изо всех сил.

Я изображаю, будто мне нечем дышать, и сиплю:

– Все, верю-верю! Это было очень сильно!

Поля хохочет.

Из кухни выходит мама, вытирая руки полотенцем.

– Ох, Ваня, наконец-то. Я уже думала, ты там в аэропорту жить остался.

– Рейс задержали, потом пробки, – я опускаю Полю на пол и скидываю грязную куртку. – Спасибо, мам, что посидела.

– Да что мне, сложно что ли? – она улыбается, но уже поглядывает на часы. – Вань, я побегу? У меня там сериал начинается, да и отец звонил, ворчит, что ужин не разогрет.

– Конечно, беги. Мы справимся.

– Борщ в холодильнике, котлеты на плите. Полю я не кормила ужином, она сказала, что тебя подождет.

Мама быстро целует внучку, машет мне и исчезает за дверью так стремительно, что мы не успеваем даже крикнуть ей «пока».

Остаемся одни. Я смотрю на дочь. Она смотрит на меня своими синими глазищами, точной копией моих.

– Ну что, Полина Ивановна, – говорю я, потирая руки. – Живот не свело от голода? Пошли ужинать? Бабушка борщ сварила, твой любимый.

Я ожидаю привычного энтузиазма. Поля любит поесть, особенно если это бабушкина стряпня. Но вместо этого она морщит нос.

– Не кочу больсь.

– В смысле? – замираю на пороге кухни. – Ты же голодная была.

– Я не говодная, – заявляет она с важным видом. – Я узе поела.

– Когда? Бабушка сказала, что ты не ужинала.

– А я не с бабуской ела! – она хихикает, забираясь на высокий стул. – Я с Няней ела! Она меня супом наковмила! – восторженно выдает Поля, сияя как начищенный пятак, и продолжает тараторить. – Волсебным! С буковками! А потом Няня дала мне пилог. С ябуками! Шладкий! А есе мы иглали. Няня знает много игл. А есе… – дочь продолжает восторженно тараторить свои бесконечные «еще, а я молча слушаю и недоуменно моргаю.

С какой еще няней, черт возьми?

У нас же нет няни…

Или я чего-то не знаю?

Глава 2

– Сонечка, ты уже едешь? – раздается в трубке голос Алевтины Петровны – хозяйки приюта «Лапус», в котором я уже больше шести лет волонтерю.

Пока училась в школе – помогала ухаживать за животными, чистить вольеры, кормить и мало-мальски заниматься с брошенными песиками. Сейчас – изо всех сил пытаюсь помочь Алевтине удержать семейный бизнес на плаву. С каждым годом спонсоров становится все меньше, а товары для животных все дороже. Денег едва хватает на еду и самое необходимое, а операции и лечение животных держатся на пожертвованиях, которые не всегда удается собрать. Тогда в расход идут личные сбережения и кредитки. Тяжело? Да. Но ничего, справимся. Я искренне верю, что все добро в этом мире добром и вернется. Так уж бабуля меня воспитала.

– Еще только захожу в супермаркет, – говорю я, прижимая телефон плечом к уху и хватая сразу две тележки. – Что-то еще забыли внести в список покупок?

– Пеленки одноразовые. Нужны большого размера. В идеале десять упаковок на месяц, но хотя бы пару-тройку возьми. На сколько хватит нашего бюджета.

– Десять. Больших. Поняла.

– Соня, не вздумай тратить собственные средства! – ругается Алевтина Петровна. – Ты и так спускаешь на приют почти всю свою зарплату. Ну ведь твой кошелек тоже не бесконечный!

– Разберусь, не переживайте, – отмахиваюсь я, толкая тележки в ряд с товарами для животных. – В конце концов, в отличие от бездомных животных, я могу эти деньги заработать снова. А у них мы с вами – единственная поддержка и опора.

– Ох, Соня-Соня! – вздыхает женщина. – У тебя слишком доброе сердце! Тебе бы уже парня найти хорошего и детишек родить, а не возиться с нами – безнадежными пациентами.

– Ну вы тоже, давайте, не преувеличивайте! – фыркаю я.

Детишки? В двадцать лет? Нет, спасибо. Я пока не доросла. Да и кто в двадцать первом веке рожает в двадцать?

Но Алевтина Петровна – человек старой закалки. Моего стремления встать на ноги и достичь чего-то основательного, прежде чем заводить семью, она не понимает и понимать не хочет. К сожалению, своих детей у нее нет и внуков, соответственно, тоже. А ко мне она относится как к дочери. Поэтому и пытается все время меня кому-нибудь сосватать, временами напоминая мне мою родную бабулю.

– В общем, я все поняла, Алевтина Петровна. Все куплю. Ждите через час! – говорю в трубку и сбрасываю вызов, пряча телефон в задний карман потертых джинс.

План на сегодня – максимум. Сделать все закупки на месяц вперед, пока Светка одолжила мне машину, на которой я все это бесчисленное количество пакетов смогу увезти. Не тащить же мне десятикилограммовые мешки с кормом на автобусе! Да и на завтра у нас в приюте запланирована генеральная уборка в вольерах. А всю следующую неделю мне придется провести в ветеринарной клинике, отрабатывая за те дни, что я просила меня подменить. Так что лучше момента для закупок уже точно не будет.

Откопав в кармане бесформенного розового худи помятую бумажку со списком необходимого, бреду между полок, скидывая в корзину товары.

– Так, пеленки… маленькие и большие… самые дешевенькие пластиковые миски. Ноль-три или ноль-семь? Синие или серые? Хм, возьму синие и те, что побольше. Что еще? Упаковки влажного корма, – складываю в корзину пять по тридцать пачек в каждой. – И сухого… – притормаживаю у полок с огромными мешками не самого лучшего, но более-менее сносного по составу корма.

Вздыхаю и закатываю рукава. Восемь упаковок по десять килограмм. С такими тяжестями мне и спортивного зала не нужно. Моим мышцам позавидует сам сосед-терминатор. Хотя до его бицух мне, конечно, далеко.

Пока перекладываю тяжелые упаковки с полок в тележки, успеваю вспотеть и вспомнить весь свой скромный запас неприличных слов. Жаль, что мужчины-волонтеры такое же редкое явление, как единороги. Нам в приюте не помешала бы время от времени пара крепких рук.

Еще раз пробегаю глазами по списку. В этом отделе все. Дальше нужно добраться до прилавков с бытовой химией и тряпками.

Бросаю скептический взгляд на доверху набитые тележки. Кажется, докатить их будет задачкой со звездочкой.

Пыхтя от натуги, качусь. Скрипя колесиками, медленно и едва не сшибая прилавки – нахожу нужный мне отдел и провожу целую пошаговую операцию, чтобы завернуть сразу две тележки за угол и не сломать магазин. А едва успею повернуть, слышу звонкое:

– Няня, Няня, пливеть! – и чувствую, как что-то низенькое, маленькое, но несоразмерно сильное врезается в мои ноги, крепко обхватывая их крохотными ручонками.

Опускаю взгляд. Чуть повыше моих колен прижата макушка в розовой шапке с белым помпоном. И сейчас эта макушка дергается. Девчушка вскидывает свой ясный синий взгляд и очаровательно улыбается, сверкая своими миленькими ямочками на щеках.

– Помала! – хихикает Поля.

– Поймала, – соглашаюсь я. – Привет, Пирожочек! – улыбаюсь, потрепав ее розовые щечки.

– Полина! – раздается за спиной знакомый мужской голос и торопливые шаги. – Куда ты рв… – начинает тот самый сосед-терминатор и затыкается, тормозя при виде нас с его дочуркой, стоящих в обнимку.

Мы встречаемся с мужчиной взглядами. Его бровь вопросительно едет вверх. Моя зеркалит его движение. Не ожидал, Иван?

Да, в отличие от папочки, Поля – милый маленький человечек. И Масю с Диком она любит. И они ее. И улыбаться ребенок умеет. И болтает без умолку. Даже удивительно, как у такой угрюмой глыбы родился такой чудесный цветочек.

Да и мама у Ивана нормальная. Нина Егоровна – общительная и интеллигентная женщина. Ее мой «перебор с животными на квадратный метр» не смутил. И с Полинкой она меня познакомила, позволив малышке со мной общаться. По секрету, принцесса даже пару-тройку раз гостила у меня, пока ее папа был на работе. Что там, кстати, за работа такая, что мужчина уходит из дома на сутки – понятия не имею. Но, судя по внешней подтянутости – точно не айтишник.

В общем, хорошая у Ивана семья. Чего не скажешь про него самого. Симпатичный? Определенно. Брутальный? Более чем. За спиной такого хочется спрятаться? О да! Но характер одним махом стирает все его достоинства. Злой, угрюмый, с перманентно хмурым выражением на лице и осуждающим взглядом – бука, одним словом.

– Я котела поздоловаться с Няней! – говорит Поля, смешно задирая носик.

– Вот, значит, кто у нас Няня, – не спрашивает, констатирует Иван. – И когда вы успели подружиться? – снова переводит на меня свой острый взгляд.

– Недавно, – отвечаю обтекаемо.

– Где познакомились?

– Это что, допрос? – оскорбляюсь я.

– Во дволе, – говорит малышка.

– Как вы познакомились? – не унимается Иван.

– Случайно, – говорю я угрюмо, надеясь, что на этом мы и закончим.

Но тут Полинка сообщает как на духу:

– Мы с бабулей касялись на каселях. А Няня гувяла с шобаками. Мы бегави вместе. Они меня в сугвоб уланили! – радостно сдает нас с потрохами малышка.

Ивана перекашивает от гнева. Черты лица заостряются, губы поджимаются в тонкую линию. А его следующие слова остры, как метательные ножи:

– Твои псы – угроза обществу. Чем ты вообще думала, когда выводила их гулять на детскую площадку?

– Я не выводила их гулять на площадку! – рычу тихо, ему в тон. – Мы шли домой! И, к вашему сведению, падение в сугроб было контролируемое. Мы просто все вместе дурачились!

– Так дурачась можно и голову разбить.

– Скажите, Иван, у вас на все в этой жизни такой исключительно депрессивный взгляд?

– А тебе как вообще живется в розовых очках?

– Почему вы вугаетесь? – надув губки, тихо спрашивает малышка.

– Мы не ругаемся, принцесса, – подхватывает маленькую ладошку отец. – Просто Няня не та, с кем тебе стоит общаться.

– Посему? – обижено.

– Потому что я так сказал, – категорично.

– Хах! – хмыкаю я. – Очень взрослая жизненная позиция! – закатываю глаза.

– Не тебе мне про взрослые позиции рассказывать, – рычит вполголоса мужчина, кося взгляд на две мои доверху набитые собачьим кормом тележки. – Своих детей родишь, потом про позиции и поговорим.

– Грубиян.

– Чокнутая. Идем, Полина, – разворачивается и тащит за собой ребенка Иван.

Малышка, торопливо семеня ножками следом за отцом, оглядывается на меня и украдкой машет ладошкой с розовой варежкой на резинке. Я улыбаюсь и посылаю ей воздушный поцелуй. Она смешно хватает его в кулачок и прячет в кармашек куртки. Наш маленький секретный жест.

Такому бы ребенку отца нормального…

Собрав оставшиеся позиции по списку, ползу на кассу. Здесь меня уже знают. Чаще всего я делаю закупки именно в этом супермаркете, поэтому кассиры не округляют в удивление глаза, увидев гору моих покупок. Наоборот, иногда подкидывают что-то от себя. Типа дешевеньких игрушек для четвероногих. Мы с Алевтиной и работниками не можем позволить себе такое расточительство, а хвостикам приятно. Они ведь тоже как дети, просто на четырех лапах и с хвостом.

Рассчитавшись, кое-как докатываю обе тележки до парковки, пару раз буксуя колесиками в грязевой каше, добираюсь до машины. Нащупываю ключ в кармане куртки и снимаю с сигнализации старенький Светкин хэтчбек. Машине больше двух десятков лет, и она уже дышит на ладан. Но лучше такой транспорт, чем совсем никакого.

Сначала загружаю в салон самое легкое. Затем открываю багажник и освобождаю место для пачек сухого корма. С грустью смотрю на тяжелые пакеты и подхватываю первый, едва не сгибаясь под его весом пополам. Проклятье! В следующий раз надо бы кого-нибудь в напарники припахать.

Подпирая снизу мешок коленом, закидываю его в багажник. Таким же образом справляюсь и со вторым мешком. Запыхавшись, разгибаюсь. Спиной ощущаю на себе чей-то пристальный взгляд.

Оглядываюсь.

В ряду напротив стоит брутальный черный внедорожник, а рядом с ним Иван. В расстегнутой куртке, с болтающимся в зажатой ладони брелком, и с крайне недовольным выражением на лице. Хотя на этом мужественном фейсе другого и не бывает. Стоит и внимательно наблюдает за моими страданиями, пока Полинка устраивается в детском кресле.

Нет чтобы взять и помочь!

Я фыркаю и дерзко задираю нос, отворачиваясь.

Нечего на меня попусту пялиться!

Хватаюсь за третий мешок, подтягивая его к краю тележки за уголки. Делаю вдох, готовясь его поднять, как слышу:

– Дай сюда, – знакомым ворчливым тоном.

Опешив, ослабляю хватку. Корм выскальзывает из моих рук и перемещается в руки злюки соседа. Иван подхватывает упаковку и тут же закидывает ее в багажник так легко, словно она не весит ни грамма. Следом отправляет и все оставшиеся мешки.

Опустошив обе моих тележки, мужчина закрывает багажник и, бросив на меня взгляд исподлобья, молча уходит.

Я провожаю его спину в офигевшим взглядом, гадая: чем мне потом по карме аукнется этот жест неожиданной доброты?

Глава 3. Иван

Следующая рабочая смена выпадает у меня на воскресенье. Не люблю работать в выходные дни. Это единственное время, когда я позволяю себе проспать до обеда, потому что не нужно вести дочку в сад. Но это неделя – мимо. Наш отряд заступает на смену.

В расположение базы я приезжаю к восьми. Сначала у нас пересменок и собрание с руководством – что-то типа своеобразной планерки. А затем бесконечные тренировки и отработки: кто в тренажерном зале пластается, кто в тире отстреливается, а кого гоняют в учебных классах по теории. Да, в нашей работе – в большинстве случаев – все действия четко регламентированы уставом. Минимум импровизации, и та лишь в самом крайнем случае. Иначе можно налететь не просто на штраф или увольнение, а даже на срок.

Я люблю свою работу. Люблю все риски, что она несет. И убойную дозу адреналина, что она пускает в кровь. Но с каждым годом эта любовь все меньше, а тревожности все больше. Рискну предположить, что осознание своего отцовства играет в этом не последнюю роль. Не хотелось бы оставить Полинку сиротой. На ее мать надежды никакой. Кукушка она, бестолковая.

– Не берет? – кивает на зажатый в моей руке телефон Никитос.

– Нет, – вырубаю трубу, пряча в карман.

– Думаешь, забыла?

– Что у ее дочери скоро день рождения? Наверняка. Это же не код от сейфа с миллионами. Зачем такое запоминать.

Сотников неодобрительно качает головой. Он, как и я, терпеть не может беспринципных и продажных баб. Мы с ним в этом похожи. Оба по глупости с такими связались. Итог только разный: у меня от бывшей осталась дочка, а у Никитоса тотальное недоверие женскому полу, через которое чудом удалось пробиться лишь его Агаповой. Эти двое вместе меньше трех месяцев, но, клянусь, вы не найдете в этом мире людей, что подходили бы друг другу больше, чем Ира и Никита. Глядя на них, тоже хочется увязнуть. По серьезке и надолго. Но… но.

Наш черный микроавтобус тормозит перед высокими коваными воротами элитного загородного особняка местного чинуши, по уши утонувшего в коррупции. Наш отряд выгружается.

– Работаем аккуратно и без лишнего шума, парни! – командует Сотников.

Дальше действуем по отточенной за годы работы схеме. Берем под свой контроль периметр. Устраняем частную охрану, по классике начавшую быковать на неожиданное вторжение «власти». И проникаем в дом, вышибая дверь, крепости которой позавидуют швейцарские банки.

В фойе нас встречает тучный мужик в длинном махровом халате. На одутловатом, раскрасневшемся лице глаза по пять рублей и искреннее возмущение:

– Вы что себе позволяете?!

– Гражданин Уваров, вы арестованы по подозрению в мошенничестве в особо крупном размере, – спокойно декламирует вышедший вперед следователь Комаров. – Вы имеете право хранить молчание. В противном случае, все сказанное вами может быть использовано против вас в суде. Хотите набрать своему адвокату?

– Да как вы смеете! Да я! Да вы! Да я святой человек!

– Ясно, – кивает следователь. – Не хотите. Принимайте его, парни, – дает нам отмашку.

Мы с Савицким переглядываемся и заламываем «святому человеку» руки. Не больно, но пиздец как обидно, когда еще полчаса назад ты планировал жрать ложками черную икру на завтрак. Подхватываем под локти и выводим из дома, наверняка построенного на ворованные бабки.

Уваров что-то натужно пыхтит и даже пытается сопротивляться. Но силы неравны. Тогда, когда мы качали бицуху, он качал только свои пальцы, пересчитывая бабки, выделенные для благотворительных фондов и детских домов, но никак не для его личных нужд.

Загружаем обвиняемого в автозак и отбираем мобилу, за которую он цепляется как за спасительный круг. Под его возмущенное:

– Я вас всех засужу, сволочи!

Закрываем дверь и переглядываемся с Савой.

– Слышал, да? – хмыкает он. – Святой человек…

– Знал бы он, сколько мы таких «святых» уже посадили.

– Не он первый и не он последний.

Таких, как он, не жалко. К таким, как Уваров, ни грамма сочувствия нет. Таких надо искоренять на всех уровнях как смертельно опасную заразу. Человеческая алчность не знает пределов.

Доставив господина Уварова в следственный изолятор, где его дальнейшую участь будет решать суд, возвращаемся на базу. Оставшуюся половину смены проводим тихо, мирно, без «выступлений». Вызовов сегодня в нашем районе нет. Запланированного сопровождения или облав тоже. Поэтому вечер и ночь мы с парнями коротаем кто как умеет: фильмы, книги, карты, боксерские груши и бесконечно долгий треп по телефону со своими барышнями. Угадайте, кто грешит последним? Бинго. Да, неудивительно, что Виленский так взъелся на Савицкого. Тот буквально и пяти минут не может прожить без генеральской дочки. Меня бы это тоже, как батю, бесило.

Наверное.

Дьявол, а ведь у меня тоже подрастает красавица-дочь…

Утро понедельника приносит в город первый в этом году ливень. Едва мы успеваем с парнями попрощаться и рассесться по своим тачкам, как заряжает дождь. Он накрывает город такой плотной стеной, что на дорогах случается настоящий апокалипсис: аварии каждый второй километр, пробки длиной в целые проспекты и потопы, когда уровень воды доходит местами до капотов. Пара-тройка низеньких седанов намертво встает посреди дороги, задымившись от попадания воды в движок. Капец, короче.

Глядя на все это безобразие, я ползу в потоке с черепашьей скоростью и тихо радуюсь, что мне сегодня нужно лишь добраться до дома. Больше никуда. Вечером за Полинкой, но благо садик в шаговой доступности. Прогуляюсь.

Хотя как по таким лужам «гулять» – тоже вопрос.

Тянусь к бардачку, попутно прибавляя громкость радио, где ведущий бодро сообщает:

– По прогнозу синоптиков осадки в Питере не прекратятся до следующего утра. Власти города настоятельно рекомендуют, по возможности, оставаться в эти дни дома…

– Класс, – бурчу и резко жму на тормоз, когда еще одна бедолага глохнет прямо перед носом моей тачки. – Всемирный потоп какой-то, – ворчу и обруливаю заглохшую машину.

Достаю-таки завалявшуюся с древних времен пачку сигарет. Я вообще-то курю редко. В такие моменты, когда нервы шалят или глаза слипаются. И сегодня второй случай – мне нужно чем-то себя занять, чтобы от усталости не вырубиться под монотонно барабанящий по крыше дождь.

Цепляю одну сигарету из пачки, зажимаю в губах и уже почти щелкаю зажигалкой, когда мое внимание привлекает силуэт за окном. Щетки едва справляются. Видимость отвратительная. Но я готов на что угодно поспорить, что в двадцати метрах от меня, на автобусной остановке, топчется чудачка-соседка.

Маршрутку ждет?

А что не на машине? Не рискнула?

Правильно. Ее старенький «Шеви» далеко по таким лужам не уедет. Понимает. Может, не такая уж она и глупая?

Проезжая мимо, выглядываю в пассажирское окно спереди. Точна она. Смотрит вдаль, обняла себя руками, переступает с ноги на ногу в явно промокших кедах, что вообще-то легкие не по сезону. Стоит мокрая, как мышь. С темных волос ручьями стекает вода на светлую куртку. Шапка тоже насквозь и несуразно висит на макушке, потеряв свою форму. Далеко и видно плохо, но кажется, девчонку всю трясет.

Замерзла?

Ладно, Сокол, это ее проблемы!

Ты ей кто: отец, муж, брат, друг, любовник, чтобы о ее здоровье беспокоиться?

В конце концов, может, в будущем будет смотреть в окно или хотя бы прогноз погоды, прежде чем вылетать из дома сломя голову. А она именно «вылетает». Сколько раз я не видел ее утром – несется, словно черти ее за пятки кусают.

Нет, решено. Мне совершенно ровно на эту чокнутую. Ее жизнь – ее проблемы.

Так-то оно так. Но…

Проезжаю вперед на пару метров, неосознанно сбавляя скорость и крепче сжимая ладонью руль. Продолжаю себя уговаривать, напоминая, что я устал и дико хочу спать. Меня почти что вырубает на ходу. И я еду домой, а не…

Ох, зараза!

Выругавшись, резко перестраиваюсь в автобусную полосу и изо всех сил давлю по тормозам. Тачка по инерции прокатывается еще на пару метров вперед и останавливается.

Проклиная собственную мягкотелость, врубаю «аварийки» и сдаю назад.

Поравнявшись с девчонкой, опускаю стекло. Ловлю ее удивленный взгляд и командую, перекрикивая шум города в коллапсе:

– Садись давай, – тихо себе под нос добавляя: – Ну и кто из нас чокнутый?

Девчонка мнется. Смотрит на меня подозрительно, будто я маньяк со стажем, и подойти ближе не решается. А в зеркале заднего вида, между прочим, подъезжающий к остановке автобус маячит. А я в неположенном месте стою. И нервный водила мне уже сигналит.

– Да не съем я тебя, – рычу. – Поехали! – кончается мое терпение.

Соседка поджимает губы и, наконец-то, решается. Подбегает прямо по лужам к моей тачке и забирается в прогретый салон. Закрывает дверь, дуя на озябшие ладони. Вместе с легким ароматом женских духов салон наполняет сырость, и стекла тут же начинает затягивать.

– Пристегнись, – бросаю.

Послушно выполняет. Замок ремня безопасности щелкает. Я давлю по газам и снова вливаюсь в вялотекущий по проспекту поток машин.

Едем молча. Девчонка всеми силами пытается не подать виду, что продрогла до костей. Я, что мне абсолютно по херу на то, что ей холодно. Тем не менее, тянусь к приборной панели и выкручиваю обогрев салона на максимум, направляя поток теплого воздуха в ноги и на стекла.

– Куда везти? – спрашиваю не особо любезно.

Называет адрес.

– Почти другой конец города, – присвистываю. – Зонт брать не пробовала? – кошу на девчонку осуждающий взгляд.

– При таком-то ветре? – кивает на колышущиеся редкие деревья за окном. – Толку от этого зонта немного. Разве что улететь, как Мэри Поппинс. Но и это бы не помогло, ветер в другую сторону дует, – фыркает. – А вы с чего вообще решили меня подвезти? Жалость взыграла?

– Хуже. Благородство.

– М, не замечала его за вами раньше. Оно у вас приступами, похоже, накатывает?

– К сожалению. И исключительно рядом с тобой. Зовут тебя как, чудачка?

– Соня. И я не чудачка.

– А по мне так очень даже. Я – Иван.

– Я в курсе.

– Поля рассказала?

– Мама ваша. Милая, к слову, женщина, – говорит. – В отличие от вас, – добавляет тихо.

– Ты уже и с мамой моей знакома? Быстро.

– А как, по-вашему, я познакомилась бы с Полиной? – смотрит на меня, как на идиота.

– Согласен. Глупый вопрос.

– И что значит «быстро»? Если вы думаете, что я таким образом пытаюсь к вам подобраться – ошибаетесь. Вы меня, как мужчина, совершенно не интересуете, Иван.

– А как кто интересую? – спрашиваю весело, поигрывая бровями.

Соня краснеет и смущается, но взгляд первая не отводит. Наоборот, выстреливает дерзко:

– Исключительно как научный объект! Интересно было бы изучить: какого это жить без сердца.

– Ах да, Терминатор. Точно. Ну, до тридцати пяти лет как-то дожил. Не скопытился.

– Тридцати пяти? Боже, вы такой…

– Старый?

– Раритетный.

Посмеиваюсь. Да, в двадцать я тоже думал, что после тридцати жизни нет. Ан нет, оказывается, тут даже бывает прикольно.

Соня ерзает задницей на сиденье, от чего кожаные чехлы скрипят. Согревшись, расстегивает куртку и стягивает с головы шапку. Пытается ладонями расчесать мокрые локоны. Они не слушаются. А по мере высыхания начинают завиваться объемными кудряшками. Смотрит это… соблазнительно. Желание коснуться и пропустить сквозь пальцы темные локоны становится почти невыносимым. Поэтому я сильнее сжимаю обеими руками руль.

– Блин! – тихонько бубнит себе под нос пассажирка. – Теперь весь день буду ходить как одуванчик. Проклятый дождь! – заканчивает свои бесполезные попытки распутать волосы. – А вы курите? – бросает взгляд на все еще зажатую у меня в пальцах сигарету. – Не замечала раньше.

– Ну, у каждого из нас есть определенные зависимости, – философски замечаю я. – У кого-то кофейная, у кого-то адреналиновая. У меня никотиновая, а у тебя собачья.

– Нет у меня никакой собачьей зависимости! И я вообще не уверена, что есть такое определение.

– У тебя их слишком много. Ты не умеешь вовремя остановиться. Это и есть зависимость.

– Господи, да я – волонтер! Эти собаки у меня на передержке. День, два, неделю. Максимум месяц! Потом я пристраиваю их в хорошие руки или отдаю в приют. Я не зависима, я просто хороший человек, которому жалко брошенных четвероногих. В девяноста девяти процентах случаев собаки не заслуживают такой судьбы, на какую их обрекает безответственный человек, – выдает пламенный спич девчонка. – Не понимаю, за что вы меня, Иван, так ненавидите!

Я кошу в ее сторону удивленный взгляд, бросая:

– Я не испытываю к тебе ненависти. Я не испытываю к тебе вообще ничего, если тебя это интересует. Я просто переживаю за безопасность своего ребенка. А собака – это зверь. Мы не можем знать, что у него в голове.

– Сразу видно, что у вас никогда не было собак.

– У меня есть дочь. Мне этого достаточно. Почему, кстати, Поля зовет тебя «няня»?

– Не знаю, – бурчит разобидевшись. – Видимо, так ей было проще запомнить. Соня – Няня, созвучно.

– Логично.

Соня отворачивается, уставившись в окно. Я сосредотачиваю все свое внимание на утопающей дороге. Больше разговор не клеится. Да и разговаривать нам не о чем. Общих интересов нет, а претензии обсудили. Впредь, надеюсь, Соня будет держать своих собак и себя подальше от моей дочери. Ну а я сокращать дистанцию между нами и не планировал.

Притормаживая по названному девчонкой адресу, вижу над аккуратным крылечком вывеску: «Ветеринарная клиника «Мокрый нос».

Осуждающе качаю головой.

Она окружила себя четвероногими со всех сторон. И после этого говорит, что не чудачка?

– Спасибо, что подвезли, Иван.

– Не за что. И, Соня, надеюсь, мы друг друга поняли?

– Простите?

– Я хочу, чтобы ты и твои псы на передержке держались от моей дочери как можно дальше.

Щеки девушки розовеют. В глазах большими неоновыми буквами загорается «мудак». И, кажется, сейчас грянет гром. Но Соня лишь поджимает губы и выпрыгивает из машины, громко хлопнув дверью.

Я провожаю ее взглядом до самого крыльца, уверенный, что это еще не все представление. И таки да. На прощание чудачка оборачивается и показывает мне язык.

Если я мудак, то ей не помешает немножко подрасти.

Глава 4

– *Я не испытываю к тебе вообще ничего…* Бесчувственная кочерыжка! – бурчу зло и со всей силы жму на клавишу шуруповерта, закручивая шуруп в дощечку. – *Держитесь от моей дочери подальше… Вы и ваши псы…* Бе-бе-бе, мистер хочу-держать-все-под-контролем, – ерничаю, закручивая еще один шуруп.

И еще.

И еще парочку «вжик-вжик».

Вкручиваю последний, окончательно фиксируя лист фанеры. Выпрямляюсь, вытирая лоб тыльной стороной ладони. Делаю пару шагов назад с инструментом в руке. Оценивающим взглядом пробегаю по своему «творению». Я только что смастерила свою первую будку. Не фабричное производство, конечно, но сойдет.

Так уж получилось, что даже элементарные плотницкие работы в приюте держатся на хрупких женских плечах: моих да Светкиных. Вряд ли в этом городе найдутся наши ровесницы, умеющие столь же виртуозно орудовать дрелями, молотками и шуруповертами.

Выдохнув, подвожу итог разговора, бросая от души:

– Иван – дурак! Не зря про таких даже сказки писали!

Смотрю на развалившегося рядом со мной старенького кане-корсо Рубика, послужившего мне сегодня молчаливым собеседником. Пес поворачивается, вскидывает лапы и подставляет пузо.

– Хорошо тебе, дед, – чешу собаку, – ешь, спишь, чешешь пузико и не имеешь необходимости терпеть выскочек соседей. Кайф!

Рубик согласно порыкивает и подскакивает, заслышав шаги в соседней комнате.

Нет, вы представляете? Целая рабочая неделя с той поездки в компании зануды соседа прошла, а я все еще не могу отпустить эту кусающую сердце обиду на безразлично брошенные мужчиной слова. Хотя меня это вообще не должно волновать!

Психанув, прячу шуруповерт в кейс, скидывая в баночку оставшиеся шурупы. Как раз успеваю навести мало-мальский порядок в комнате, гордо именуемой мастерской, как в дверном проеме появляется Алевтина, тактично постучав по косяку.

– Сонечка, ты все еще здесь? Заканчивай уже! Время за семь часов вечера перевалило. Беги домой, отдыхай.

– Я как раз закончила с будкой. Думала еще перестелить лежанки в вольерах и покормить…

– И думать не смей! – отмахивается женщина. – Собак я покормлю сама. И с лежанками тоже разберусь без твоей помощи. А ты быстро кыш! – выпихивает меня из комнаты. – У тебя есть дела помимо приюта, Софья!

– А вот и нет, – бурчу я, буксуя пятками по бетону. – Ну чем мне заниматься дома в вечер пятницы?

– Посмотри сериал, – протягивает мне куртку, – приготовь пиццу, – натягивает шапку на мою макушку, – позови в гости подруг. На свидание сходи, в конце концов! – упирает руки в бока, грозно сведя брови к переносице. – В двадцать один, поверь мне, есть чем заняться еще, кроме чистки вонючих вольеров.

– Да, наверное, – сникнув, нехотя соглашаюсь.

Проблема в том, что подруг у меня никогда особо не водилось. Светка только. Но она сегодня уехала за город – к родителям в гости на все выходные. Сериалы я терпеть не могу, считая, что время, потраченное на просмотр, можно направить в более полезное русло. Готовить для себя не люблю. А парень… Ну, с парнями у меня не клеится. Слишком много моего

времени занимает приют, работа в клинике и волонтерство, что никакие отношения такого не выдерживают.

Черт, а вдруг Иван прав?

Вдруг животные – это моя зависимость?

Единственным ярким пятном в моей блеклой рутине стала Полинка и ее периодические появления у меня в гостях. Уж не знаю почему, но Нина Егоровна прониклась ко мне глубокой симпатией. А Поля нашла в моем лице подружку. Раз в три дня они заходят ко мне «на чай». И это самые классные вечерние посиделки за долгое время, даже несмотря на прямой запрет Ивана.

Ха! Кто ему скажет-то?

Но сегодня мистер-злой дома. Сидит с дочкой сам. А значит, занять мне этот вечер действительно нечем.

Однако спорить с Алевтиной бесполезно, и я ухожу из приюта, прыгая в первую попавшуюся маршрутку. До дома добираюсь за сорок минут. У дома забегаю в супермаркет за продуктами, и на кассе хватаю большой пакет с кукурузными палочками. Их Полинка любит.

На своем этаже притормаживаю у соседской двери. Появляется шкодное желание пойти против приказа Терминатора, позвонить в их дверь и всучить Поляше вкусняшки, «подогревая» нашу дружбу. Но безрассудная Соня вовремя затыкается, и включается Соня мудрая. Кукуруза подождет до понедельника. Кажется, по графику это рабочий день у Ивана?

Сдаюсь. Строю закрытой двери гримасу и топаю к себе. Ну а дома меня уже привычно встречают веселым лаем Мася и Дик. Псы так рады моему возвращению, что чуть не выносят хлипкую дверцу вольера. Едва я их отпускаю – скачут, виляют хвостами и поскуливают наперебой. А выпустив первый пар, оба несутся к двери и жалобными взглядами умоляют вывести их на прогулку.

И как им отказать?

Правильно. Никак.

Хватаю поводки, кольцо-пуллер, и весь следующий час мы уже втроем бегаем по двору, избавляясь от лишней энергии перед сном. Собаки дурачиться и играючи бросаются друг на друга, валяясь в лужах. Я периодически щелкаю их на телефон, кидая фото будущим владельцам.

Для Маси уже нашлись «добрые руки». Ее на следующей неделе заберет в свою семью молодая пара. А к Дику присматривается парочка кандидатов. Но пока я не буду полностью уверена в том, что потенциальный хозяин справится с такой непростой бойцовской породой – собаку не отдам. Первое правило волонтерства: убедись, что ты сделал правильный выбор. Слишком часто в этом мире подобранная собака снова оказывается на улице. А эти хвостики слишком добрые. Им на улице не место.

Вернувшись домой, отмываю псов от грязи, насыпаю в миски еду и, наконец-то, под тихий бубнеж телевизора и хруст собачьего корма, ужинаю сама вчерашней жареной картошкой. Вкусной. Жирной. На сале! М-м-м! Как говорит Светка: «Ты ешь на ночь сплошное «расти жопа», а твоя жопа не растет. В чем секрет, Лялина?». Полагаю – чудо генетики.

Кстати, о Светике. Пока пью чай, перекидываюсь с ней парочкой сообщений: о природе, погоде и Иване, которого она пообещала при встрече стукнуть. А в одиннадцатом часу ночи, приняв душ, вытягиваюсь на кровати и крепко-накрепко вырубаюсь, лишь в последний момент хватаясь за зудящую в мозгу мысль: «Кажется, я что-то забыла сделать».

А вот что – понимаю лишь утром.

Мое пробуждение выходит резким и… громким. Громким оттого, что Мася и Дик надрывают глотки, лая не просто на всю квартиру, а сразу на весь этаж! А то и три: верхний и нижний наверняка уже тоже разбужен. И это в субботу. Утром. Когда за окном едва начало рассветать…

На нас же сейчас полицию натравят!

Твою бабушку!

Резко сажусь на постели.

– Мася, Дик, а ну-ка тихо! – кричу.

Никакой реакции.

– Перестаньте гавкать!

Толку ноль.

– Да что у них там, вольеры что ли горят?! – бурчу недовольно и тут вспоминаю, что вольеры-то я вчера как раз и не закрыла. – Черт, черт, черт! – подрываюсь, путаясь в одеяле.

Подскакиваю к двери и дергаю ее за ручку с такой силой, что чуть не вырываю с корнем.

Выбегаю из спальни с криками:

– Мася, Дик, фу-у-у-и-и-и-о-о-о! – кричу, поскальзываясь и прокатываясь босыми ногами по мокрому линолеуму. – А-а-а! – взвизгиваю, взмахиваю руками и, врезаясь всем телом в противоположную стену коридора, заваливаюсь на спину, ощутимо приземлившись на копчик.

Приземлившись в… лужу.

Морщась от боли, кручу головой по сторонам.

Полный. Полный коридор воды!

– Что за…

«Пш-ш-ш-ш» – доносится из кухни.

– Гав-гав! – лают собаки.

– О, нет-нет-нет! Пожалуйста, только не… – доползаю на коленях до кухни. – Кран! – подрываюсь с пола, подбегая к кухонной раковине, снова едва не навернувшись. – Вы чего натворили?! – кричу на собак, поджавших хвосты.

Они чуть пятятся назад и начинают лаять по новой.

Я хватаю кухонные полотенца, наматывая на остатки сорванного крана. Пытаюсь заткнуть фонтан холодной воды, хлещущий во все стороны. Бесполезно! Мои руки с мокрыми тряпками соскальзывают. А вода попадает везде: и на мебель, и на технику. Напор такой, что просто тряпками его не заглушишь.

Промокнув до самых ушей, соображаю, что нужно бежать в туалет и перекрывать всю воду в квартире. Бросаю полотенца и, проскальзывая на мокром полу, держась за стеночку, добираюсь до уборной. Забегаю. Срываю пластиковую крышку, прикрывающую вентили на трубах. Хватаюсь изо всех сил за тот, что перекрывает холодную. Кручу.

Не крутится.

Пытаюсь расшатать и сдвинуть хоть на миллиметр.

Зараза стоит намертво.

Эту древнюю приблуду нужно было заменить еще пару лет назад. И я это знала! Проклятье! Понадеялась на волшебный «авось». Дура, Лялина!

– Давай! – кричу, стиснув зубы.

Он. Не. Поворачивается!

Меня накрывает паника. Сердце стучит в висках. В голове тут же всплывают картинки бешеных счетов, что выставят мне соседи снизу за то, что я их залила. И космические суммы в чеках, которые мне придется спустить на ремонт. Я цепляюсь пальцами за красную хреновину сильнее.

– Пожалуйста, давай!

К глазам подступают слезы. Кожу на пальцах саднит. Мокрая насквозь длинная футболка неприятно липнет к коже. Волосы лезут в глаза. Собаки продолжают надрывно гавкать. Соседи стучат по трубам.

А. Он. Не. Поворачивается!

Во всем этом хаосе я не могу провернуть этот чертов красный вентиль!

У меня тупо не хватает сил!

Всхлипнув, бросаю свои бессмысленные попытки и выбегаю в чем есть из квартиры. Босиком пересекаю лестничную клетку, молясь только об одном: чтобы Иван был этим утром дома.

С остервенением зажимаю кнопку дверного звонка. И каждую секунду считаю, пока не слышу с той стороны торопливые шаги и щелчок замка.

Тогда первая хватаюсь за ручку соседской двери, открывая с криками:

– Помоги мне, пожалуйста! У меня потоп!

Глава 5. Иван

Грохот вырывает меня из остатков сна. Резкий, настойчивый, будто дверь пытаются вынести вместе с косяком. Я недовольно морщусь и перекатываюсь на другой бок, натягивая одеяло до самого носа.

Суббота.

Семь утра.

Один из тех дней, когда можно выспаться.

Так, какого черта?

Стук повторяется, еще громче и отчаяннее. Поля что-то бормочет во сне из своей комнаты, но, к счастью, не просыпается.

– Да иду я, иду! – рычу в подушку, понимая, что просто так от меня не отстанут.

Сбрасываю с себя одеяло и натягиваю первые попавшиеся под руку спортивные штаны и футболку. Босиком шлепаю по холодному ламинату в коридор, по пути потирая слипающиеся глаза. Наверняка опять кто-то из соседей. То им соль нужна, то интернет проверить.

– Кого там принесло? – ворчу, поворачивая щеколду и распахивая дверь.

На пороге стоит Соня. Мокрая, босая, растрепанная. В одной длинной футболке, которая насквозь промокла и теперь облепляет ее миниатюрную фигурку, не оставляя простора для воображения. С волос ручьями стекает вода, глаза огромные, зеленые, полные паники и слез.

– Помоги мне, пожалуйста! – выпаливает она, дрожа всем телом. – У меня потоп!

Не успеваю я ничего сообразить или сказать, как она хватает меня за руку и тащит за собой через площадку. Ее ладонь ледяная. Дверь в ее квартиру распахнута настежь, и оттуда доносится шум льющейся воды и отчаянный лай двух ее псов.

Залетаю следом за ней, сразу же вляпываюсь босыми ногами в ледяную воду и замираю. Тут не просто лужа, тут реально бассейн. Воды уже по щиколотку. В коридоре плавают какие-то тапки, собачьи игрушки и коврик, который теперь похож на мокрую тряпку. Собаки носятся, разбрызгивая воду еще сильнее, и заливаются лаем, то ли от страха, то ли от восторга.

– Твою ж мать, – вырывается у меня. – Что у тебя тут происходит?

– Кран сорвало! На кухне! – всхлипывает она, показывая рукой вглубь квартиры.

Девчонка выглядит так жалко и беспомощно, что злость, которая начала было закипать во мне, мгновенно испаряется. Остается только глухое раздражение на ситуацию и на эту ходячую катастрофу, судьбой посланную мне в соседки.

Я пробираюсь на кухню. Здесь вообще полный пиздец! Из-под раковины бьет настоящий фонтан, заливая гарнитур, стены, пол и меня заодно.

– Где перекрывать? – рявкаю, оборачиваясь.

– В туалете! За унитазом! Там… красный такой! Я крутила, честно! Он не двигается!

Не раздумывая, несусь туда, едва не навернувшись на повороте. Пол скользкий, как каток. Залетаю в кабинку. Места мало, приходится втискиваться в узкое пространство.

Соня шлепает по воде следом. Тормозит в дверях и смотрит на меня с надеждой.

Трубы здесь, похоже, ровесницы революции. Ржавые, покрытые десятью слоями краски. И тот самый красный вентиль выглядит так, будто его приварили намертво еще при Хрущеве.

– Посвети! – командую.

Девчонка тут же оказывается рядом, дрожащими руками тыкая экраном телефона в темноту технического люка.

Я хватаюсь за вентиль. Он впивается в ладонь шершавым металлом. Пробую повернуть. Ни черта. Действительно закис наглухо.

– Да что за… – рычу сквозь зубы, налегая всем весом.

– Ваня, пожалуйста… – скулит она над ухом. – У меня денег на ремонт соседям нет…

– Не ной, – цежу сквозь зубы. – Свети нормально.

Мышцы на руках напрягаются до предела. Кожа на ладонях горит. Вентиль не поддается. Проклятье!

– Не получается? – пищит Соня у меня за спиной.

– Он заржавел намертво, – выдыхаю, делая еще одну попытку. – Давно его меняла?

– Никогда, – шепчет виновато. – Это еще бабушкин…

– Ясно.

Делаю глубокий вдох, упираюсь ногами в скользкий кафель. Собираю все силы. Еще один рывок, сопровождаемый сдавленным рыком. Раздается скрежет. Вентиль скрипит. Противно, жалобно, но поддается. Сначала на миллиметр. Потом еще. И еще.

– Идет! – выдыхает Соня, прижимаясь плечом к моему предплечью. От нее пахнет сыростью и каким-то цветочным шампунем.

Я делаю последний рывок, проворачивая ржавую железяку до упора.

Шум воды на кухне мгновенно стихает. Остается только звук капающих остатков и тяжелое дыхание – мое и чудачки.

– Все, – выдыхаю, разжимая пальцы. Ладонь горит, на коже остался ржавый след.

– О боже… Спасибо! – девчонка буквально повисает у меня на руке, и я чувствую, как ее мокрая футболка холодит мою кожу. – Ты меня спас! Реально спас!

Я аккуратно отцепляю ее от себя и разворачиваюсь. В тесном туалете мы стоим слишком близко. Я сверху вниз смотрю на ее макушку, с которой капает вода ей же на нос.

– Рано радуешься. Воду мы перекрыли, а вот озеро в квартире никуда не делось.

Она испуганно округляет глаза и выглядывает в коридор.

– Черт… Пол вздуется!

– Вздуется, если мы сейчас же это не уберем. Тряпки есть? Ведра?

– Есть! Сейчас!

Соня срывается с места, поскальзывается, взмахивает руками. Я успеваю перехватить ее за талию за секунду до того, как она шлепнется задницей в воду.

Она легкая. Преступно легкая. Мои пальцы впиваются в ее бок сквозь мокрую ткань. На секунду мы замираем. Мелкая смотрит на меня снизу вверх, вцепившись в мои плечи. Дышит загнанно, грудь ходит ходуном, прижимаясь к моему торсу.

– Аккуратнее, – голос звучит хрипло. Я резко ставлю ее на ноги и отступаю. – Не хватало еще, чтобы ты голову разбила. Посещение травмпункта в этом утро точно в мои планы не входило. И давай тащи тряпки. Живо.

Следующие сорок минут превращаются в адский марафон. Я, скинув промокшую футболку, ползаю на карачках по всей квартире, собирая воду. Соня кидает мне старые полотенца, какие-то простыни. Я выжимаю их в ведро, она бегает выливать в унитаз. Мы молчим. Действуем слаженно, но в угрюмой тишине. Говорить, в общем-то, не о чем. Я злюсь на ее безалаберность, она, очевидно, чувствует себя виноватой и подавленной.

Периодически бросаю на нее взгляды. Мокрая футболка безжалостно подчеркивает все изгибы ее стройного тела. Голые длинные ноги. Упругая попка. Соски затвердели от холода и отчетливо проступают сквозь тонкую ткань. Каждый раз, когда она наклоняется, выжимая тряпку, вырез футболки сползает, открывая вид на ложбинку между грудей.

Соня ничего не замечает.

А меня ведет.

Я стараюсь не смотреть. Честно. Но взгляд то и дело соскальзывает. Приходится с силой сжимать кулаки, чтобы отогнать непрошеные мысли.

Сосредоточься, Соколов. Ты тут не для этого. Надо заканчивать этот бардак и валить спать. В садик только через двое суток, и я планирую провести их в горизонтальном положении.

– Страховка на квартиру есть? – спрашиваю, просто чтобы нарушить неловкое молчание.

– Какая страховка? – удивленно хлопает она ресницами. – Я даже не знала, что так можно…

Ну конечно. Мысленно закатываю глаза. Эта девчонка живет в каком-то своем мире, где единороги какают радугой.

– Соседей снизу не затопила, надеюсь? – продолжаю допрос.

– Не знаю… – она испуганно прикусывает губу. – Думаешь, стоит сходить проверить?

– Позже, – отрезаю я. – Сначала тут разберемся. Если бы у них с потолка лило, уже прибежали бы с криками.

– Тоже верно.

– Ладно, хватит рассиживаться, – мой голос звучит грубее, чем я планировал. – Сильнее выжимай! – командую, видя, как она жалко мнет в руках тяжелое махровое полотенце. С нее самой воды течет больше, чем с этой тряпки.

– Я стараюсь! – огрызается Соня, откидывая мокрую прядь с лица. – Не у всех бицепсы размером с мою голову!

– Меньше болтай, больше работай.

Я забираю у нее мокрую тряпку, скручиваю ее в жгут одним движением. Вода хлещет в ведро. Соня смотрит на мои руки и, кажется, залипает.

– Чего замерла? – спрашиваю, не поднимая головы.

– Ничего. Просто… ты сильный.

– А ты мокрая и замерзшая. Иди переоденься, пока пневмонию не схватила. Я добью здесь.

– Нет, я помогу! Это же моя квартира. И мой косяк.

Упрямая. Губы уже синие, кожа покрылась мурашками, дрожит как осиновый лист, но тряпку из рук не выпускает.

– Ты сейчас в обморок упадешь, а мне тебя потом откачивать. Иди переоденься. Это приказ.

Девчонка хочет возразить, открывает рот, но натыкается на мой тяжелый взгляд. Фыркает, подскакивает на ноги, задевая ведро. Брызги летят мне в лицо, зараза!

Чудачка топает в спальню. Я остаюсь один в коридоре. Вытираю лицо предплечьем. Оглядываюсь. Вроде основную массу воды собрали. Осталась только влага на стыках.

В квартире стоит тишина. Странная такая. Глухая.

Чего-то не хватает.

Я замираю, прислушиваясь.

Лай.

Не хватает этого чертового лая!

– Соня! – кричу в сторону спальни.

– Что? – Она выходит, натягивая на ходу сухую толстовку. – Я быстро, видишь?

– Где собаки?

Она застывает, держась за край толстовки. Медленно опускает руки. Оглядывается по сторонам. Заглядывает на кухню. В комнату.

– Они… они здесь были. Бегали. Мешались под ногами, пока мы…

Ее глаза расширяются. Она переводит взгляд на входную дверь.

Та приоткрыта.

Щель сантиметров в десять. Я, когда влетал сюда, не захлопнул ее до конца. А замок у нее раздолбанный, как и вся сантехника в этом доме. В суматохе, пока мы воевали с потопом, никто из нас не обратил на это внимания.

– Твою мать… – шепчет Соня, бледнея. – Мася! Дик!

Она срывается с места, вылетает на лестничную площадку.

– Дик! Мася! Ко мне!

Тишина. Пустой лестничный пролет. Никого.

Я выхожу следом, вытирая руки о штаны. Сердце делает неприятный кульбит. Огромные собаки. Без намордников. В подъезде, где живут дети и старики. Если они сейчас кого-то цапнут…

– Они убежали… – голос Сони срывается на визг. – Ваня, они убежали! Если они вышли на улицу… Дик может испугаться машин…

– Спокойно, – я хватаю ее за плечо, встряхивая. И сам замираю…

Медленно поворачиваю голову, смотрю на свою дверь. Она тоже приоткрыта. Совсем чуть-чуть.

Холодок пробегает по спине. Не от сквозняка. От ужаса.

– Поля… – выдыхаю я.

Дочь. Она осталась одна. Я выскочил, даже не подумав закрыть замок, потому что думал – это на секунду.

Мы с Соней переглядываемся. В ее глазах я вижу отражение своего собственного страха.

Не сговариваясь, мы ломимся в мою квартиру. Я дергаю дверь, она с грохотом ударяется о стену.

– Полина! – кричу, сердце ухает где-то в районе пяток.

Влетаю в прихожую. Пусто. Тихо.

И вдруг со стороны кухни доносится странный звук. Чавканье? Стук металла о металл?

Я делаю два огромных шага, преодолевая коридор, и застываю в дверном проеме кухни. Сзади в меня врезается Соня, хватаясь за мою поясницу.

Картина, которая открывается перед нами, достойна того, чтобы ее напечатали на обложке журнала «Родительский провал года». Или «Юный дрессировщик».

Моя кухня разгромлена. Не в смысле, что все сломано, а в смысле – повсюду следы преступления.

На кухонном гарнитуре рядом с плитой, прямо попой на столешнице, сидит моя трехлетняя дочь. Она забралась туда, где ей категорически запрещено быть.

В одной руке у нее половник. В другой – крышка от сковороды, которую она держит как щит.

А внизу, у шкафов, сидят эти два чудовища.

Огромный стафф и лохматая лайка. Сидят смирно, как в цирке, задрав морды вверх и виляя хвостами с такой амплитудой, что, кажется, сейчас взлетят.

– Ешьте, собаськи, куфайте! – звонко командует моя дочь.

Моя маленькая принцесса этим самым половником, с которого капает подлива, кормит их по очереди. Зачерпывает прямо из сковородки с тушеным мясом кусок говядины и шлепает его на пол.

– Шмяк! – еда приземляется на плитку.

– Мася, ам! – командует она, и стафф аккуратно слизывает мясо. Поля снова ныряет половником в сковородку и проделывает тот же трюк. – Тепевь Дик, ам!

Лайка послушно принимает свою порцию.

– Полина! – рявкаю я так, что собаки поджимают уши и приседают.

Дочь вздрагивает, роняет половник. Он с грохотом летит на пол, разбрызгивая во все стороны жирную подливу. Поля поворачивается к нам. Ее лицо, руки и пижама с единорогами перемазаны соусом. Но сама она сияет, как начищенный самовар.

– Папа, Няня, смотлите! – радостно вопит она, игнорируя мой тон. – Собатьки в гости пвишли! Они говодные были! Я их ковмю!

Я смотрю на это немое кино: на свою дочь на кухонном гарнитуре, на двух здоровенных псов, жрущих мою еду, на ошарашенную Соню рядом. И чувствую, как у меня начинает дергаться глаз.

Твою ж мать.

Глава 6

– Нянь, а песеньки им низя?

– Нельзя, Поль.

– А кафетки?

– Тоже.

– Дазе мавенькие?

– Даже маленькие. От конфет у собак заболят животики.

– М-да, пвоха, – деловито вздыхает. – Ну, а хотя бы павочки кукувузные мозно? – вытаскивает одну из глубокой миски и заглядывает вопрошающим взглядом мне в глаза сердобольная хулиганка. Мася и Дик сидят у ее ног и с вселенским обожанием смотрят на ту, кто вероломно посмела разнообразить их скучный собачий рацион.

– После целой кастрюли нашего гуляша с мясом они оба на диете, – говорит Иван, строго зыркнув на дочь из-под моего кухонного гарнитура, где он вот уже целый час возится с установкой нового крана. – Соня, посвети, – командует.

Я подрываюсь с места и свечу Ивану фонариком.

Чудо, что мужчина не послал меня со всеми проблемами на четыре стороны. Когда я к нему за помощью бежала – дороги не видела от паники. А сейчас понимаю, что любой другой отправил бы лесом и дверь перед носом закрыл. Зря я его бессердечным считала. Теперь даже как-то совестно. Чуть-чуть…

С соседями, кстати, обошлось. Чудом. Ваня-таки спустился к ним и узнал, не отошли ли у них от стен обои и не просочилась ли вода. Мне повезло. Ремонт придется делать только у себя. Больше всего пострадал ламинат в коридоре. Вздулся и разъехался в паре мест. Но это все потом… Как-нибудь, когда-нибудь. В первую очередь грозный сосед приказал заняться заменой труб в квартире, потому что: «Следующего прорыва они не переживут» – дословно.

– А вы есе довго? – мается от безделья Полинка.

– Долго, – бросает Иван.

– Гвустно.

– Сонь, свети выше! Ни черта не вижу.

– Легко сказать…

– Что?

– Сейчас, говорю!

Изо всех сил пытаюсь протиснуться в узкий шкаф так, чтобы не навалиться на мужчину. Ужом изворачиваюсь, подползая под самую раковину. Но тут моя нога предательски соскальзывает, и я мешком падаю верхом на соседа, ладонью с фонариком ударяя его в грудь, а свободной упираясь прямо в его пах.

Иван шипит.

Я охаю, ощутив под пальцами… то, что ощутив. Испуганно дергаюсь и резко подскакиваю. Да ударяюсь затылком о раковину так, что в глазах темнеет. Стискиваю зубы, вываливаясь из шкафа и приземляясь задницей на пол.

– Ау-у-у… – стону.

Да за что мне в этой жизни столько неуклюжести перепало?!

– Ой! – подбегает Полинка. – Боно? – гладит меня ладошками по макушке.

– Господи, – выругивается Иван. – Уйди отсюда, бедовая, пока нас обоих не покалечила, – ворчит, забирая у меня фонарик. – Сам посвечу.

– Прости… – виновато краснею, встретившись с мужчиной взглядом.

Неловко вышло.

Иван лишь недовольно качает головой и снова заползает в кухонный шкаф.

– Фсе, – щебечет Полинка, – я поселовала. Боше не будет болеть!

– И правда, прошло, – натягиваю улыбку. – Поль, хочешь я тебе мультики включу?

– Кочу. Пло плинцесс?

– Как скажешь.

Увожу ребенка в спальню, усаживая на кровать, и на весь следующий час занимаю просмотром «Принцессы Лебедь». Старый добрый Дисней никогда не подводит.

Мася с Диком растягиваются по обеим сторонам кровати, зная, что на постель им забираться категорически запрещено.

Возвращаюсь на кухню и пытаюсь сообразить на нашу разношерстную компанию обед. Завтрак мы все благополучно пропустили, а желудок уже начинает предательски урчать, намекая, что на одной воде долго не протянет.

Я достаю фарш, пачку спагетти и овощи. Болоньезе – беспроигрышный вариант. Быстро, сытно и вкусно так, что любой мужчина сменит гнев на милость. Надеюсь.

Включаю на телефоне музыку – что-то легкое и ненавязчивое. Ставлю на плиту кастрюлю с водой, на соседнюю конфорку – сковородку. Начинаю резать лук.

Буквально через полчаса и обед практически готов.

– Вроде все, – доносится из-под раковины усталый голос соседа.

Внезапно в кармане Ивана начинает вибрировать телефон. Он возится, шипит что-то нецензурное и кое-как выуживает телефон из кармана штанов.

– Да, – коротко бросает в трубку, вылезая наружу.

Я стараюсь не прислушиваться, честно. Но кухня маленькая, а голос у его собеседника громкий.

– Сокол, ты где пропал? – весело басит какой-то мужчина. – Я уже полчаса под твоей дверью топчусь! Мы же договорились хоккей смотреть! Ты время видел?

Иван тяжело вздыхает.

– Планы поменялись, Раш. Я занят.

– Занят он, – в трубке слышится усмешка. – Чем это ты так занят в субботу? Неужто свидание? Признавайся, старый холостяк, подцепил кого?

Иван бросает на меня быстрый раздраженный взгляд.

– Я у соседки. Помогаю с сантехникой.

На том конце провода повисает пауза, а потом раздается такой гогот, что Иван морщится и отодвигает телефон от уха.

– У соседки? С сантехникой? Соколов, ты серьезно? Это что, новый код для обозначения бурного секса? Ты бы еще сказал, что полку ей прибиваешь!

Я давлюсь воздухом и начинаю кашлять. Иван смотрит на меня убийственным взглядом, будто это я сейчас ляпнула эту пошлость.

– Раш, прекрати нести херню, – цедит он сквозь зубы. – У нее реально кран сорвало.

– Горячий? – не унимается его друг. – Слушай, а соседка хоть симпатичная? А то, может, ну его, этот хоккей? Я к вам присоединюсь, тоже помогу. Я в сантехнике шарю!

– Нет, – рявкает Иван. – Езжай домой, Марк. У меня тут работы на полдня. Я еще замок ей на двери менять буду. Хоккей свой и в записи посмотришь.

– Сокол, не будь засранцем! Я тащился к тебе через весь город, между прочим. И раз я уже все равно здесь, а ты, значит, у соседки… Это напротив?

– Марк, не вздумай…

Но Иван не успевает договорить, в этот момент в мою дверь настойчиво начинает кто-то звонить.

– Твою мать… – глухо выдыхает он и трет пальцами виски. – Принесла нелегкая.

Я стою растерявшись, не зная, что делать.

– Мне открыть? – спрашиваю, вытирая руки полотенцем.

– Не открывай, – командует мужчина. – Позвонит и уйдет. Он наглый, но не бессмертный.

Звонок повторяется. На этот раз длинный и требовательный. Потом еще один. И еще.

– Он не уйдет, – констатирую очевидное, глядя на Ивана, который, кажется, готов прожечь взглядом мою входную дверь и убить того, кто за ней сейчас стоит.

– Вот же упрямый баран. Ладно, впусти его.

Я пожимаю плечами и иду в коридор. Поворачиваю щеколду, распахиваю дверь и вижу перед собой на пороге… Ого.

Высокий, широкоплечий брюнет с копной слегка вьющихся волос и наглыми зелеными глазами. Он одет в черное простое худи и джинсы, в руках держит куртку. Незнакомец окидывает меня быстрым, оценивающим взглядом с ног до головы, и на его губах расползается обаятельная улыбка.

– Я так и знал… – весело заявляет, бесцеремонно проходя внутрь и закрывая за собой дверь. – А Сокол мне заливал-то… Привет, причина мужского подвига, я Марк, можно просто Раш.

Он протягивает мне руку. Я, на секунду замешкавшись, пожимаю ее. Ладонь у него горячая и сильная.

– Соня, – на автомате выдыхаю, все еще ошарашенная таким напором.

– Итак, Соня, – тянет мое имя, словно пробует на вкус. – Значит, ты соседка, у которой сорвало кран? А я уж грешным делом подумал, что Сокол наконец-то нашел себе девушку.

– Ой, нет. Если и нашел, то это точно не я. Мы просто соседи.

– Какого хрена ты приперся? Я же сказал, что занят. – раздается из-за моей спины раздраженный голос Ивана. Он подходит и встает рядом, буквально нависая надо мной своей внушительной фигурой.

– Брось, Сокол, – ничуть не тушуется Марк, сверкая белозубой улыбкой. – Ты же знаешь, я твое «нет» воспринимаю как вызов. К тому же, я принес пиво. И пиццу. Правда, она в машине осталась, но ради такого случая…

– Дядя Малк! – раздается звонкий вопль из спальни.

В коридор, цокая когтями по ламинату, вылетают Мася с Диком, а следом за ними несется Полина.

– Ого! – присвистывает гость, когда на него с радостным лаем бегут две немаленькие туши.

Я дергаюсь, чтобы перехватить собак, испугавшись, что они сейчас с ног сшибут незнакомца, но Раш реагирует молниеносно. Он приседает на корточки, выставляя руки вперед, и совершенно бесстрашно дает псам себя обнюхать.

– Тише, тише, звери! – смеется он, когда Дик пытается лизнуть его в нос. – Я с миром!

– Пливет! – Полина врезается в мужчину, обхватывая его за шею, и целует в колючую щеку.

– Привет, мелочь! – он легко подхватывает ее на руки, поднимаясь. – Ты чего так выросла-то? Я тебя пару недель не видел, а ты уже невеста!

– Я не невеста, я пвинцесса! – важно заявляет Поля.

– Прошу прощения, Ваше Высочество, – хмыкает Раш и подмигивает мне. – А это, я так понимаю, ваша придворная дама?

Я фыркаю, не сдержав улыбки. Этот парень – ходячая харизма. Насколько Иван тяжелый и колючий, настолько его друг легкий и открытый.

– Это не дама, это Няня. А ты пвинес мне подавок? – Поля тут же переходит к делу.

– А как же! В машине лежит. Шоколадка размером с тебя.

– Ува! А ты будешь куфать вместе с нами?

– Конечно, кнопка. Пахнет просто отвал башки.

Иван, видя счастливую моську дочери, быстро сдувается. Его плечи опускаются.

– Черт с тобой. Заходи, – бурчит он.

Раш скидывает обувь, отдает Ивану свою куртку и проходит в кухню, все еще держа Полю на руках.

Я возвращаюсь к плите, чувствуя на своей спине сразу два взгляда. Один – тяжелый, прожигающий лопатки, от которого по позвоночнику бегут мурашки. Второй – изучающий, скользящий по фигуре с нескрываемым интересом.

Стараясь не обращать внимания на накалившуюся обстановку, быстро раскладываю пасту, щедро поливая мясным соусом.

– Садитесь, – командую, ставя тарелки на стол.

Мужчины устраиваются. Кухня у меня небольшая, и присутствие двух таких огромных мужиков делает ее крошечной. Тесно. И слишком много тестостерона на квадратный метр.

– М-м-м, – стонет Марк, отправив первую вилку в рот. – Соня, это божественно. Сокол, ты идиот.

– Почему это? – бурчит Иван, наворачивая спагетти с такой скоростью, будто не ел неделю.

– Потому что такую женщину надо хватать и тащить в ЗАГС, пока не увели. Готовит, красивая, животных любит… – он переводит на меня свои наглые зеленые глаза и улыбается так, что у любой другой ноги бы подкосились. – Сонь, у тебя парень есть?

Я чуть не давлюсь макарониной.

– Кхе… Нет.

– Отлично! – сияет он. – Значит, у меня есть шанс? Я, кстати, тоже неплохо готовлю. Яичницу, например…

– Раш, заткнись и ешь, – рычит Иван, с силой опуская вилку на тарелку. Звук выходит громким.

Я поднимаю глаза на соседа. У него скулы ходуном ходят, а взгляд убийственный. Ревнует, что ли? Да нет, бред. Просто его бесит активность друга. Иван любит тишину и порядок, а Марк слишком шумный. Даже удивительно, как два таких непохожих человека смогли подружиться.

– А что такого? – невинно хлопает ресницами Раш. – Я просто поддерживаю светскую беседу, а ты завидуешь моему обаянию.

– Я завидую твоему умению не получать по морде с такой наглостью, – парирует Иван.

Поля хихикает, перемазанная соусом до ушей.

– Дядя Малк смефной!

– Вот! Устами младенца! – он подмигивает малышке, а потом снова переключает внимание на меня. – Так что, Сонь? Может, сходим куда-нибудь? Кино, вино, домино? Я знаю отличный бар, там делают лучшие коктейли в городе.

Под столом его нога «случайно» касается моей. Я отодвигаюсь, чувствуя, как краснеют уши.

– Марк, я…

– У нее много работы, – отрезает Иван за меня. – И собаки.

– Собаки – не проблема. Я люблю собак! – он выбирает самый крупный кусочек фарша и кидает его Дику. Тот ловит угощение налету и смотрит на гостя с обожанием. – Видишь? Мы уже подружились.

Иван смотрит на пса как на предателя родины.

– Ешьте, а мне нужно бежать, – быстро доедаю и встаю из-за стола, чувствуя, что мне нужно срочно покинуть этот бермудский треугольник, пока не засосало.

– Куда? – синхронно спрашивают оба мужчины.

– С собаками гулять, – киваю на псов, которые послушно сидят и нетерпеливо перебирают лапами. – Мы с утра из-за потопа так и не вышли. Они сейчас лопнут.

– Давай я с тобой! – тут же подрывается Раш.

– Сидеть! – рявкает Иван. – Ты обещал мне помочь с замком.

Марк закатывает глаза, но плюхается обратно на стул.

– Тиран, – бросает он другу. – Сонь, ты там недолго, ладно? Я десерт хочу.

Иван издает какой-то нечленораздельный звук.

Я хватаю поводки, быстро натягиваю кроссовки и куртку.

– Я быстро! – кричу уже с порога. – Мася, Дик, гулять!

Вываливаюсь на лестничную клетку и выдыхаю.

Прогулка получается скомканной. Собаки тянут поводки, радуясь свободе, а мои мысли крутятся вокруг того, что происходит у меня дома.

Иван. Марк.

Два абсолютных антипода. Один – открытая книга, веселый, легкий. С ним просто. Второй – закрытый сейф без кода, вечно хмурый, но…

Почему-то именно от случайного прикосновения к Ивану меня бьет током. Почему-то именно его тяжелый взгляд заставляет сердце биться где-то в горле.

– Дура ты, Лялина, – говорю сама себе, глядя, как Дик задирает лапу на куст. – Тебя нормальные парни приглашают на свидание, а ты ведешься на соседа-брюзгу.

Сделав быстрый круг по двору и позволив собакам сделать все свои дела, я поворачиваю домой. Холодно все-таки, да и оставлять квартиру, где сейчас находятся малознакомые мужчины, боязно.

Поднимаюсь на этаж. Дверь в квартиру не заперта – Иван, видимо, ковыряется в замке, но сейчас в коридоре тихо.

Я захожу и снимаю куртку, вешая ее на вешалку. Разуваюсь, собираясь пойти в ванную и вымыть лапы псам. Но голоса с кухни заставляют меня замереть.

– …Ну ты и жук, Сокол, – голос Раша звучит весело, но с ноткой претензии. – Скрывал такое сокровище.

Это они обо мне?

Знаю, что подслушивать нехорошо, но ноги сами прирастают к полу.

– Ничего я не скрывал, – голос Ивана глухой, усталый. – Она просто соседка. Сколько раз тебе повторять?

– Ага, заливай больше. Видел я, как ты на нее смотришь. Дырку прожег.

– Не неси чушь.

– Слушай, раз у вас ничего нет… Ты не против, если я к твоей горячей соседке подкачу? – вдруг спрашивает Марк в лоб.

Я задерживаю дыхание. «Горячая соседка». Приятно, черт возьми.

В квартире повисает пауза. Тягучая, звенящая. Я прямо вижу, как Иван хмурится.

Сердце пропускает удар. Я невольно поддаюсь вперед, вслушиваясь.

– И на хрен ты у меня это спрашиваешь? – голос Ивана звучит ровно, безразлично. Слишком безразлично.

– Ну, вдруг у тебя самого на нее виды? – усмехается Раш. – Мы же друзья. Я дорогу перебегать не хочу. Но девчонка – огонь. Фигурка, глаза эти огромные… Я таких люблю. Так что? Даешь добро?

У меня внутри все сжимается в тугой узел, а сердце стучит так, что уши закладывает. Я кусаю губу, ожидая ответа.

– Ты ее видел? – бурчит Иван, и в этом звуке столько пренебрежения, что меня словно холодной водой окатывают. – Она же ребенок. Ей лет двадцать от силы, Марк. У нее в голове ветер, собаки эти бешеные и розовые очки на глазах. Она проблемная.

Сердце сжимается.

– И что? – не унимается Раш. – Возраст – это цифра.

– Мне одного ребенка в жизни хватает, – жестко отрезает Иван, ставя точку в разговоре. – Полина – вот мой приоритет. А возиться с еще одной малолеткой, у которой семь пятниц на неделе… Спасибо, но я пас. Зеленый свет тебе, дружище.

Мне словно пощечину дали.

Я стою в коридоре, хватая ртом воздух. К горлу подступает обида – горькая, колючая, кислотой разъедающая все внутри.

Возиться с малолеткой…

Спасибо, но я пас…

Ах ты ж… сухарь черствый! Бревно бесчувственное! Да я… Да я сама себя обеспечиваю! С четырнадцати лет работаю, приют тяну, никто мне не помогает! А я для тебя ребенок? Проблемная? Розовые очки? Мужлан бессердечный!

Злость вскипает мгновенно, вытесняя обиду.

Зеленый свет тебе, дружище…

Ах так? Ладно. Я поняла.

– Марк, – зову во весь голос, давая мужчинам понять, что вернулась.

– Соня? – выглядывает из кухни улыбчивый друг Ивана. – Уже соскучилась по мне?

– Вообще-то я тут подумала… Бар – отличная идея! – говорю достаточно громко, чтобы бука Соколов точно услышал. – Уже вечность никуда не ходила в приятной компании! И, кстати, завтра я полностью свободна.

Глава 7. Иван

– Сколько там? Сколько? – тянет шею Аврора.

– Двенадцать у него, – угрюмо сообщает Ира. Подхватывает со стола зеленые кубики и передает их своему парню – Сотникову. Сама она из игры уже вылетела, следующий ход Соты.

Я хмыкаю и передвигаю свою фишку на игровом поле на двенадцать клеток вперед, занимая последнюю не купленную в этом дорогом секторе карточку.

– Забираю, – бросаю в «банк» купюры. – И сразу ставлю заводы. На каждую карточку по три.

– Ну все, мне крышка, – разочарованно вздыхает Глеб. – Я сдаюсь. Я банкрот.

– Да. Труба, – констатирует безрадостно Никитос. Бросает игровые кости, они вываливают на всеобщее обозрение «четыре». – Прямой наводкой на его новый завод. Все, я тоже пас. Он опять нас уделал. Поздравляю с победой, Сокол, – хлопает меня по плечу.

– Как ты, блин, это проворачиваешь из раза в раз? – удивленно спрашивает Ира, кося на меня взгляд, попутно собирая карточки у игроков. – Это что, какая-то гениальная «монопольная» стратегия?

– Чистый фарт, – стягиваю я со стола свою банку с энергетиком.

– Каждый раз? – скептически вздергивает бровь Глеб. – Даже по теории вероятности из шести игр хоть раз ты уже должен был облажаться, Сокол, – говорит, закидывая в рот горсть соленого арахиса и запивая пивом.

Я сегодня не пью.

Не хочется.

– Ладно, – пожимаю я плечами самодовольно, – значит, я просто хороший бизнесмен.

– Надуватель ты хороший, – бурчит Аврора беззлобно, закрывая коробку с настолкой. – Предлагаю поиграть в «Крокодила». В нем Ваня точно продует. Знаем, проходили!

– Что правда, то правда, – нехотя соглашаюсь я.

– У нас еще есть «УНО, – напоминает Ира.

– А может в покер? – обводит нашу компанию взглядом Ник.

– Ну не-е-ет! – в голос выдают девчонки.

– У нас сегодня не мужская вечеринка, детка! – напоминает своему парню Ира. – А девочки не умеют играть в покер!

– Ладно, пусть будет «Крокодил, – быстро сдается подполк.

Я бросаю быстрые взгляды на двух друзей-подкаблучников, с улыбкой прикладываясь к горлышку банки. Кажется, именно так и должен выглядеть уютный субботний вечер. В компании друзей и их девчонок за игрой в настолки. Мы такое практикуем пару раз в месяц, предпочитая вместо вылазок в шумные бары – тихий междусобойчик у Сотниковых дома. С пивом и едой на заказ.

Признаю, такие посиделки – что-то новенькое в моей жизни. Но мне нравится. Было бы, конечно, приятнее, если бы я тут тоже присутствовал не в статусе одиночки, но даже сложно представить, какая девушка смогла бы вписаться в нашу разномастную компанию. Соня, разве что? Она бы понравилась девчонкам…

Думаю о чудачке-соседке и тут же себя одергиваю. Мы не виделись неделю, с утреннего потопа, и я предпочитаю продолжать сохранять установившуюся между нами дистанцию. Рашу я выложил все по фактам – некогда мне взваливать на свои плечи заботу о ком-то еще, кроме Поли. А о Соне надо заботиться. Она еще слишком молоденькая и романтичная. Ей надо цветочки дарить, на руках носить, комплиментами осыпать и на свидания таскать. Я от такого отвык. Мне бы что попроще и без заморочек. Быстрый и ни к чему не обязывающий секс, например.

Но с Соней так нельзя.

Хотя Соню так хочется.

Пришлось это признать после событий прошлой недели, когда картинка ее просвечивающей в мокрой футболке груди въелась в мой воспаленный от желания мозг. Ничего не могу с собой поделать. Все время представляю и дурею.

Хорошо Трошин такое неглиже не застал.

Интересно, кстати, он уже успел раскрутить ее на свидание?

И где вообще этого холостого черта носит?

Стоит только вспомнить о друге, как в дверь звонят. Никита открывает, впуская в квартиру восемьдесят килограмм извечного оптимизма с двумя огромными пиццами:

– Две штрафные пепперони, налетай!

Наша компания более чем тепло встречает второго «одиночку».

Девчонки тут же притаскивают всем тарелки и пиво для Раша.

– Где тебя целых два часа носило? – интересуется Никитос.

– Мы уже думали, что ты нашу компанию на какую-то девчонку променял, – тычет Раша локтем в бок Глеб.

– Почти, – расплывается в улыбке Марк. – Подвозил одну знакомую с работы до дома, – говорит и бросает на меня быстрый взгляд, из чего я делаю вывод, что он говорит про Соню.

Кусок откушенной мною пиццы встает поперек горла. Я закашливаюсь и тянусь к банке с энергетиком, делая глоток. В висках кровь стучит.

То есть настолько далеко они уже продвинулись, что он встречает ее с работы?

А еще через неделю что, Раш станет моим новым соседом?

Через месяц получим приглашение на их свадьбу?

Внутренности чешет от непонятно откуда взявшейся злости. Кулаки сжимаются. Я вроде как сам дал другу добро подкатить к Соне. Тогда почему у меня сейчас ощущение, что кресло под моей задницей горит?

– Два часа подвозил? – хитро щурится Ира. – Это была доставка с заездом в отель?

– Она работает на другом конце Питера, – оправдывается Трошин. – А это еще и по жутким пробкам. В час пик.

– В час пик в субботу? – уточняет, хихикнув, Аврора.

– Дружище, по-моему, ты нам заливаешь, – качает головой Ник.

– Ну ладно-ладно! – вскидывает руки Раш. – Поймали. Возможно, я еще целый час сидел у ее работы и ждал, когда она освободится. Распнете меня за это? – хмыкает.

– Только если по-дружески, – посмеивается Глеб. – Что за знакомая-то? Надеюсь, не очередной виток отношений с Анитой? Имей гордость, мужик. Не ведись на нее больше. Она токсичная стерва.

– Нет. Боже упаси! – морщится Раш, стягивая кусок пиццы. – С Анитой уже несколько месяцев как точно точка. А эту зовут Соня, – выдает с тихим обожанием, – она работает в ветеринарной клинике, у нее две собаки, большие голубые глаза и мы познакомились благодаря Соколу.

«Зеленые, вообще-то. Глаза. И собаки это не ее, а на передержке. А еще она волонтер. И моя дочь в ней души не чает», – мысленно договариваю за друга. И не сразу замечаю, как на меня одновременно обращают свой вопросительный взор пять пар глаз.

– Соседка, – коротко поясняю я. – На прошлых выходных помогал чинить кран. Ничего особенного, – стягиваю из коробки очередной кусок, не поднимая на друзей взгляд.

– Врет. Она классная, – выдает со знанием дела Раш.

– Обычная, – бросаю я упрямо, словно пытаясь уговорить самого себя.

– Веселая и эрудированная.

– Проблемная.

– Это ты проблемный, Сокол. А она горячая девчонка с добрым сердцем. И, мне кажется, у нас вполне может что-то сложиться. Я всецело готов вписаться в новые отношения.

– О-о, я хочу с ней познакомиться!

– И сколько ей лет?

– Мы ее точно не видели?

– Она хорошенькая?

– Блондинка или брюнетка?

– Может вообще рыженькая?

Начинают наваливать вопросы друзья. В основном, конечно, девчонки, которые были бы просто счастливы сплавить в надежные женские руки холостых друзей своих парней. И пока Раш словесно отбивается, я молча жую проклятую «Пепперони» и бешусь. Бешусь, потому что этот дуралей по всем пунктам прав. Просто мне жить легче, отрицая все хорошее в Соне.

Чувствую на себе чей-то пристальный взгляд.

Вскидываю свой.

Встречаюсь взглядом с Никитосом. Он в нашей компании самый «зрелый», хоть мы и одного возраста. Но командиром отряда Сота точно стал не зря. Есть у него какая-то бешеная проницательность от природы, работающая на ура в девяноста девяти процентах из ста. И сейчас Никита Александрович явно что-то своим сканером «считал. Наклоняется ко мне, спрашивая тихо, чтобы другие не услышали:

– Скажи мне, что у вас двоих не будет проблем из-за этой Сони.

– Не будет, – бросаю, пытаясь звучать безразлично. – Я на ее внимание не претендую.

– Правда? А по взгляду не скажешь, – хлопает меня по плечу и вовлекается в общий разговор, посадив в моей душе зерно гребанного сомнения.

Правда ли «не претендуешь» или это очередная попытка соврать самому себе, Сокол?

Разъезжаемся с друзьями в двенадцатом часу ночи. Раш сваливает на такси, а я подкидываю Аврору с Глебом до дома и сам еду домой. С парковочными местами вечерами в нашем дворе туго, поэтому приходится бросить тачку в соседнем и дойти пешком.

Закуриваю и неторопливо чешу через детскую площадку. Дождь недавно прошел. Лужи вокруг огромные. Кроссовки по асфальту «чавкают» немелодично. Питер, мать вашу. Вокруг тишина, ни души. Район спальный. И в полночь предпочитает… спать.

Полина сегодня у матери. Забирать ее только завтра. Поэтому у меня свободна вся ночь и утро, и в других обстоятельствах я, возможно, поискал бы себе приятную женскую компанию «на раз» в каком-нибудь баре. Но сегодня не хочется.

Нет, секса очень хочется – месячное воздержание уже давит на яйца.

Искать никого не хочется. Тем более, что в голове сидит один вполне конкретный образ.

Но у этого «образа» намечаются мутки с моим другом. И встревать между ними мне тоже не хочется. Я сам их, вроде как, свел.

Абсурд. Знаю.

Затягиваюсь в последний раз и заворачиваю за угол, к своему подъезду. Бросаю окурок в урну и вскидываю взгляд, едва не налетая на топчащуюся у подъездной двери фигуру на две головы ниже меня. В последний момент успеваю затормозить.

Лампа над входом срабатывает на движение и загорается.

Я выпускаю дым изо рта и выдаю немного ахуев:

– Соня?

– Иван? – резко отрывает взгляд от экрана телефона девчонка.

– Он самый.

– М, доброй ночи.

– Именно что ночи. Двенадцать часов, ты какого лешего не в постели? – нападаю словесно.

– Простите? Не припомню, чтобы я должна была перед вами отчитываться, – отбивает мою нападку, как теннисный мячик, и снова лупит глаза в телефон.

Действительно, Сокол. Че это ты охамел?

– Ты права. Не должна, – бросаю, чуть сбавив напор. – Добрососедская забота.

– Спасибо, обойдусь, – парирует Соня, не глядя на меня.

– Так куда ты собралась так поздно?

– Не ваше дело, – выдает коза и отступает на пару шагов.

– И все-таки? Может, поделишься?

– Ага, с вами поделишься, вам тоже захочется…

– Соня! – рычу, поигрывая желваками.

– Иван! – шипит, стиснув зубы. Смотрит на меня. – Идите… куда шли, в общем! – посылает прямым текстом, еще и рукой направление указав.

Вот же…

Слов нет. Одни эмоции. И желания. Выпороть, например.

– Обязательно, – отвечаю ей в тон. – До свидания.

– И вам не хворать.

Психую и подлетаю к подъездной двери. Достаю ключ и прикладываю чип. Пиликает. Распахиваю. Замираю на пороге. Надо бы уйти. Но уйти не позволяет совесть. Куда она намылила лыжи посреди ночи? А если с этой чокнутой что-то случится? Кто потом Рашу постель будет греть? Нет, я не для себя стараюсь. Для друга. Исключительно для него.

Блять, Иван!

Оборачиваюсь. Соня в спортивном костюме, на плечи накинута куртка, волосы впопыхах собраны в небрежный пучок на макушке. Дерганная какая-то. Нервная. Прохаживается взад-вперед, кусая губы. Лихорадочно порхает пальцами по экрану, что-то быстро печатая. Ругается тихонько себе под нос. Короче, явно что-то не в порядке.

Опять нашла проблемы на свою маленькую задницу?

Катастрофа. Как есть!

Мысленно заковыристо выругиваюсь и отпускаю дверь, позволяя ей захлопнуться. Подгребаю к девчонке со спины. На экране ее телефона открыто приложение такси. Судя по всему, вызвать машину не может. Наклоняюсь и выдергиваю трубку из ее рук.

– Что за… – дергается от испуга Соня. – Вы же ушли!

– Тебе показалось.

– Отдайте мой телефон! – подпрыгивает, пытаясь поймать.

Я руку отвожу.

Она промахивается, хватая лишь воздух.

– Это кража! Я на вас заявление напишу!

– Да хоть два. Но сначала объяснишь мне: что происходит, чего психуешь и куда собралась. И желательно быстро и по фактам.

– Да тебе-то какая разница, а?! – вскрикивает, неосознанно снова переходя на «ты». – Ты домой шел, вот и иди!

– Не хочу твою тушку потом в криминальных хрониках встретить. Спать спокойно не смогу, зная, что мог предотвратить. К Рашу поехала? – смотрю пытливо.

– Что? – морщит носик Соня. – Нет же! Я… Да просто… Ар-р-р! – стискивает зубы. – Собаку поехала ловить, ясно?!

– Что, прости? – веду головой, смотря на нее как на умалишенную. – Посреди ночи?

– Да, посреди ночи! В приют десять минут назад позвонили. Случайные прохожие щенка увидели, которого мы с волонтерами уже две недели поймать не можем. Он трусливый. Людей

боится. Поэтому ночами только и выходит. Вот мы… я… отдай телефон, короче! – грозно упирает руки в бока девушка.

Складно стелет. Значит, не врет.

Она не просто чудачка, она – чокнутая!

Вот и как быть? Циничный мудак говорит – отдать и забыть, пусть хоть всю ночь за своим щенком гоняется. Благородный рыцарь требует помочь девушке в беде. Ни тот, ни другой мне не нравится.

– И где этого твоего трусливого видели?

– А тебе-то что?

– Чтобы потом ментам наводку дать, где твой труп искать.

– Дурак!

– Да, меня в детстве так часто дразнили.

– По заслугам, видимо.

– Адрес, Соня.

– В районе… – называет улицу, – щенка видели.

– Это, мать твою, в двух часах езды! – охреневаю вконец. – В области! Ты прикалываешься? Я не пойму, ты бессмертная что ли, Софья? В тебе сорок килограмм веса и метр с кепкой роста, и ты собралась глухой ночью пилить на окраину? Одна?

– Дай! – пропускает мимо ушей мои слова эта «чайка», повторяя как заведенная: – Дай! Отдай же, ну! – делает очередную попытку вырвать из моих рук свой телефон. – Мне нужно вызвать такси! Ваня, пожалуйста! – всхлипывает, отчаявшись.

И слетает с ее губ это «Ваня» так, что меня не по-детски вштыривает. Нежно, сокровенно и с придыханием. Дезориентирует напрочь. И я, растерявшись, отпускаю руку.

Соня выхватывает телефон, отскакивая от меня, и снова пытается добиться ответа в приложении такси.

Наблюдаю.

Хочется бросить язвительное: «Парню своему позвони, пусть подкинет». Но язык перестраивает буквы в предложении, и из моего рта вылетает совсем неожиданное для нас обоих:

– Поехали. Я сам тебя отвезу.

Соня оборачивается и смотрит на меня своими огромными глазами, полными щенячьей преданности. Шепчет тихо-тихо себе под нос:

– Правда? Отвезешь…те?

Я поджимаю губы.

Не люблю находится рядом с этой девчонкой, ибо напрочь теряю контроль: над ней, над собой, над ситуацией. И мямлей мягкотелой быть не люблю. Поэтому разворачиваюсь и двигаю в сторону соседнего двора, бросая через плечо:

– Шевели ногами. Я планирую вернуться домой хотя бы до рассвета.

Шагаю, с гордостью подмечая – все-таки я был прав, глаза у нее зеленые.

Глава 8

Всю дорогу нервничаю. Не знаю, от чего больше: от того, что щенок может снова удрать и я снова его не найду, или от того, что везет меня Иван. Угрюмый, молчаливый, в общем, обычный Иван, с очередным резким приступом благородства.

– И часто ты так? – нарушает лишь час спустя тишину мужчина.

– Как? – спрашиваю я.

– Бездумно и бесстрашно ночами по незнакомым улицам шатаешься?

Пожимаю плечами, съезжая с прямого ответа. Что поделать, если работа волонтером такие «приключения» предполагает по умолчанию. Зато я жизни четвероногих спасаю!

– Понятно, – вздыхает Иван, правильно интерпретировав мое молчание. – Ремня на твою жопу нет, Соня. И куда только твои родители смотрят?

– Нет у меня родителей. Умерли, когда мне три исполнилось. Бабуля меня воспитывала всю жизнь одна, но два года назад и ее не стало. Так что некому мне теперь ремня, – фыркаю.

Краем глаза вижу, что Иван оглядывается. Задерживает на мне свой взгляд ровно на три удара моего взволнованного сердца и отворачивается. Говорит уже на порядок мягче:

– Прости. Беспардонно вышло.

– Ничего. Вы не знали.

– Ты. Давай уже на «ты». Я столько приключений с бывшей женой за три года в браке не пережил, сколько с тобой за пару недель.

Прыскаю со смеху.

Хотя нифига не смешно.

Неудивительно, что Иван считает меня «проблемной». Что поделать, если его фигура в моей жизни появляется исключительно, когда я во что-нибудь в очередной раз с энтузиазмом вляпываюсь.

Украдкой поглядываю на профиль мужчины. Отблески от фонарей и фар создают игру теней на его мужественном лице. Разглядываю волевой подбородок, нос с легкой горбинкой, брови перманентно хмурые и ту самую морщинку между ними, которую вечно хочется разгладить. Сегодня на щеках мужчины снова легкая щетина, что добавляет ему брутальности. Насколько я успела заметить – на работу он всегда ходит гладковыбритым.

– Кем ты работаешь? – спрашиваю, шагнув на поводу у собственного любопытства.

– Военные структуры.

– Лаконично.

– Больше тебе знать не положено.

– Иначе придется меня убить? – посмеиваюсь.

– Не исключено, – без тени шутки отвечает Иван.

Улыбка сползает с моего лица.

Ладно. Примерно что-то такое я и предполагала. Серьезный мужчина, с ним шутки плохи.

– Вот! Здесь останови! Пожалуйста, – прошу, заприметив крыльцо магазина с фотографии, что пару часов назад прислали неравнодушные.

Иван паркует машину как можно ближе к магазину. Я выскакиваю из его внедорожника, едва он успевает заглушить двигатель. Стараясь беззвучно ступать, подбегаю к крыльцу. Магазин уже закрыт, естественно. Рядом со ступенькой лежит пластиковая подложка, на которой остатки собачьего корма, и баночка с водой. Малыша подкармливают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.